Литературная страница

Г. Устинова

Люблю тебя, жизнь

РАССКАЗ

И В ЭТУ субботу он со вздохом покинул кабинет, вышел на улицу. Зной, устав от собственной ненужности, заснул на асфальте и на крышах домов. Все просило влаги: блеклое небо, скверы, потрескавшаяся земля. Сытые воробьи тяжело взлетали из-под колес машин и, недовольно чирикая, исчезали в застоявшемся, тяжелом, как болото, воздухе.

Юрий Иванович медленно переходил улицу. Вокруг спешили люди — ему одному некуда было спешить. Едва он оставался один, как его затягивали длинные, тягучие мысли. «Я как этот зной — никому не нужный и скучный», — думал он, наблюдая, с какой быстротой рассасываются люди по трамваям и автобусам. Работа была для него убежищем от одиночества, которое преследовало его. С тех пор, как его жена уехала на гастроли в Липецк и осталась там, с тех пор, вот уже пять лет, он живет один в большой квартире с разноцветными веселыми обоями.

Собственно, одиночество для него началось не с того момента, когда ушла жена, а много раньше. Уже давно он был одинок. Мария — талантливая актриса и своевольная, резкая женщина, была для него такой же далекой, как в первый день их знакомства. Она всю их совместную жизнь глядела на него как бы со сцены, и он при ней был не больше, как зритель, сидящий в самых дальних рядах. После ее ухода в квартире осталась масса ненужных вещей: какие-то баночки, коробочки, гребенки и духи.

Юрий Иванович жил на большой, шумной улице в шестиэтажном новом доме, полном энергичных, деловых людей. Все они занимались чем-то помимо работы: ездили в сады, возвращались оттуда поздно вечером, и пыльные, усталые, с корзинами фруктов садились на крыльцо у входа в подъезд, чтобы в эти несколько коротких минут отдыха взглянуть на мир. Потом они вставали, взваливали на плечи корзины, полные фруктов, и расходились по квартирам.

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ вздохнул и отошел от окна. И тотчас перед его глазами всплыло и заполнило всю комнату девичье лицо. Так бывает на экране в кино — вдруг отсеивается все ненужное, случайное, и крупным планом всплывает, приближается и заполняет весь зал лицо человека, его жизнь и мысли. Раньше он не замечал ее. Она и была незаметной — сидела себе тихо, как сама тишина. Он бы и не обратил на нее внимания, если бы не случай. Однажды он подошел к ее столу и увидел, что пробы металла лежат нетронутые на столе, а листки анализов не заполнены. Девушка сидела и думала, вероятно, о чем-то хорошем, потому что, когда она подняла на него глаза, ее лицо еще хранило отсвет того хорошего, о чем она думала.

— Сдавайте пробы, мечтать будете потом, — сказал Юрий Иванович и отошел от стола. Ему вдруг стало обидно, что девушка думает о ком-то: возможно, о женихе или другом близком человеке, и что о нем так никто никогда не думал... «Мир живет... — грустно размышлял он, — веселится, влюбляется, грустит... Лишь я...»

Он смотрел на себя как бы со стороны и видел уже немолодого худощавого мужчину с суровым выражением лица. Одиночество вытравило в нем все: добрый улыбчивый взгляд, общительность характера и многое такое, без чего человек кажется скучным и усталым. Одиночество было для него хуже врага — врага можно убить, одиночество убить нельзя.

Юрий Иванович в течение дня еще несколько раз бросал взгляд на девушку и каждый раз открывал в ней все новые черты: так ребенок, играющий с цветком, вдруг замечает его сложное строение. Она притягивала его внимание, ему приятно было вдруг поднять глаза и увидеть в дальнем конце комнаты ее тихое склоненное лицо. Ей нравилось, что он смотрел на нее, она была как подсолнух, поворачивающий за солнцем свою круглую головку. Между ними установился какой-то тайный контакт, им одним известный и понятный. Иногда он забывал о ней совершенно, — когда на целый день уходил в цех или уезжал в командировку.

Случайно он узнал, что она приехала в Магнитогорск издалека, что ей 25 лет и у нее есть сын. Что у нее есть сын — этого он никак не ожидал и на следующий день смотрел на нее уже совершенно другими глазами. «Она не одна, — думал Юрий Иванович, — у нее есть близкое, дорогое существо». Ему казалось, что он отдал бы многое, чтобы рядом с ним бок о бок шел по жизни родной ему человек.

Когда он смотрел на нее, она поднимала лицо и улыбалась. Юрий Иванович мысленно произносил целые речи, которые хотел бы сказать этой девушке-подсолнуху. Он так и звал ее про себя — «Подсолнух». С ней он боялся заговорить — боялся разрушить молчаливое взаимопонимание. А вдруг окажется, что все это — лишь плод его фантазии, и эта девушка-подсолнух так же далека ему, как вон тот усатый лысый человек, принимающий телеграммы.

ТЕПЕРЬ его часто стали посещать такие мысли. Он думал о том, что лучшая половина жизни уже прожита и никакими силами ее не вернуть. Как хотелось ему начать все сначала — тогда бы все было иначе, у него наверняка была бы интересная, красивая жизнь. Эти мысли неизменно вызывали в его памяти жаркое лето июля 1945 года, девушку в белом платке с ведрами ключевой воды, усталые, потные лица солдат. Все это, вместе взятое — хрустальная вода в ведрах, когда даже на взгляд было видно, какая она холодная, неумелые шутки солдат, за время войны отвыкших от женского общества, смеющееся лицо девушки, — сливалось в его воображении в одну, полную жизни картину. Так бывает, когда посреди серого дождливого дня вдруг проглянет солнце, засверкает листва на деревьях и крышах домов, и человек в резиновых сапогах и дождевике вдруг покажется всем смешным и неуместным.

Ему казалось, что именно с этого периода нужно было возводить каркас своей будущей жизни. Он и строил этот каркас, но строил неумело, неопытно, где-то допустил просчет, ошибку и еще недостроенное здание рухнуло, возродив из обломков и пепла его врага — одиночество. Юрий Иванович сжимал голову руками: «Если бы можно было начать все сначала...»

Часто, глядя на детей из окна своей квартиры он думал, какие они счастливые — у них все впереди. «Но они не знают, как они счастливы, не ценят этого и не пользуются этим, чтобы построить себе в будущем хорошую жизнь». Юрий Иванович вспоминал Нину. Теперь он знал, что ее зовут Ниной, а ее сына — Серегой. Он пытался представить, что она сейчас делает, чем занята. Может, гуляет с Серегой, а может, стоит где-нибудь в очереди или ушла в кино. Утром на работе, глядя на ее склоненное лицо, он старался понять, о чем она думает и всегда выходило, что о Сереге, о том, что надо сходить с ним в цирк или в театр, погладить ему рубашку или купить новые сандалии.

ОДНАЖДЫ он пошел ее провожать. Он шел и мысленно ругал себя: зачем он это сделал: все равно она его не поймет, не поймет, что он бежит от одиночества, от пустой квартиры, от бесцельных тягучих мыслей.

Между ними лежит война — в 18 лет он ушел на фронт. В сорок первом она родилась, — в сорок первом он брал с боями деревню Глухово под Курском.

— Вы сильно торопитесь? — сказал Юрий Иванович и тут же обругал себя за эту, как ему казалось, стандартную фразу юнцов, желающих пофлиртовать с девушкой.

— Я иду за Серегой, — ответила она, взглянув на него сбоку. Он вдруг увидел, какие у нее усталые, преданные глаза.

«А ведь ей нелегко приходится», — подумал он, и, неожиданно для себя, протянув руку, поправил ее завернувшийся кружевной воротничок. «Вот оно, начинается, — в отчаянии подумал он, — вот она, заботливость, а нужна ли она ей?» Он боялся дать волю своим чувствам.

Когда он поправил завернувшийся уголок ее воротничка, что-то произошло. Все оставалось по-прежнему на своих местах: дома, скверы, будки. Люди так же деловито вышагивали по тротуару. Небо было таким же спокойным. Дети так же прыгали по расчерченным квадратам. И в то же время мир неузнаваемо изменился.

Дома, люди, скверы, даже пыль на тротуаре, взбиваемая десятками ног,— все стало ему ближе и понятнее. Он показался себе ребенком, открывающим мир. «Вот тень, а вот забор, грубо покрашенный», — радостно думал он, глядя кругом и ощущая себя частицей всего: домов, улиц, травы.

Серега никак не хотел идти домой. Он прыгал на одной ножке и кричал:

— Кто говорит?

— Слон!

— Откуда?

— От верблюда!

Увидев незнакомого дядю, отвернулся и засопел.

У СВОЕГО ДОМА Юрий Иванович остановился. Из подъезда выходили нарядные, веселые люди. Они шли в театр, от них пахло самыми лучшими духами, и даже мысли у них были красивые и театральные. Усталые, но веселые люди сидели на крыльце. У ног их стояли корзины, полные красных помидоров и зеленых огурцов. Они говорили о том, что нынче будет хороший урожай яблок и, довольные, улыбались. Потом все замолчали и посмотрели вслед человеку, уходящему в подъезд. Человек в два прыжка пересек лестничную площадку и, напевая «Я люблю тебя, жизнь...», вдруг обернулся и подмигнул сидящим.

ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА

Наступила весна, или не наступила — это вопрос спорный. Календарь говорит: вторая половина марта — весна. А Дед Мороз возражает: Стоп, братцы! Я вам покажу, что это — весна или зима!

И все же — весна идет! Победят, одолеют зиму вот эти, робкие пока еще ручейки! Они разольются в реки, лужи станут озерами, иней на деревьях сменится зеленью.

Итак, да здравствует весна!

Рис. А. Шибанова.

Н. Сашин

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

(ЮМОРЕСКА)

Ура!!!

Я сегодня самый счастливый человек на земле!

Мой рассказ напечатала многотиражка, во!

Я шел по улице и во мне все ликовало и пело. Еще бы! Ведь мой рассказ напечатали! И моя фамилия напечатана на видном месте, над рассказом, крупными черными буквами! Понимаете, моя фамилия!

Я чувствовал себя настоящим писателем. Я не замечал ни ветра, ни прохожих; я не ощущал даже мороза. Я мечтал!..

Теперь, после многотиражки, очередь, конечно, за городской газетой. Потом закинем удочку в областную. Затем пошлем тройку рассказиков в «Комсомольскую правду». В журнал «Юность» я поеду сам и предложу...

— Сашка, здорово! — и меня так хлопнули по левому плечу, что я присел.

— Ну и рассказище ты выдал... Молодец! Надо бы обмыть, да некогда, — и мой первый читатель скрылся в снежной кутерьме.

Я повел плечом и поморщился. Больно, однако... Ну, ладно. В городскую газету я схожу завтра и скажу, чтобы они не тянули, печатали побыстрее. А когда я получу гонор...

— Поздравляю, Сань! Читал! Мощно, гад ты этакий! У-у-у!... — треснули меня по правому плечу. Я застонал от боли, а мой второй читатель промчался мимо меня...

Пока только двое, а многотиражка есть многотиражка, надо, пожалуй, пойти по другой дороге. Придерживая левой рукой правую, я зашагал чуть быстрее. Разумеется, теперь необходимо приобрести печатную машинку и отправлять свои произведения только отпечатанными, это будет авторитетнее и удобнее для редакции. Правда, машинка дорого стоит, но если заплатит мне областная газета рублей, этак...

— Санька, черт, ты — талант! Ты гений!! Ты!!!...

Резкий удар в бок опрокинул меня и головой я ударился об асфальт, едва прикрытый снегом, а мой третий читатель, хохоча по-мефистофельски, растворился в снежной вьюге.

***

Очнулся я в больнице. В истории болезни у меня записано:

1. Закрытый перелом правой ключицы.

2. Перелом 5—6 ребер слева.

3. Сотрясение головного мозга.

После операции дежурный врач записывал мои данные и, услышав мою фамилию, так странно посмотрел на меня, что я подумал — сейчас ударит. Но все обошлось. Теперь вот лежу и выдумываю себе ПСЕВДОНИМ, а то ведь читатели народ такой — убьют на радостях — и все!